

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ»**

На правах рукописи

Агафонова Яна Ярославовна

**КЛАССИКА ДЛЯ НАРОДА КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
КОМИССИИ ПО УСТРОЙСТВУ НАРОДНЫХ ЧТЕНИЙ В ПОЗДНИЙ
ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Кандидат искусствоведения
Илья Аскольдович Доронченков

Санкт-Петербург 2022

Особенное отношение к литературной классике в русской культуре уже давно привлекает внимание исследователей из разных областей науки. Сегодня обращение к анализу данных электронных и физических библиотек показывает высокий интерес читателей к сектору классической литературы¹. Стоит учитывать, что такой интерес во многом регламентируется различными образовательными программами, что по-своему характеризует современное читающее сообщество. В связи с этим обстоятельством вопросы истории формирования литературного канона не теряют своей исследовательской значимости и актуальности.

Данное исследование посвящено изучению истории издательской деятельности институции, которая существенно влияла на формирование литературного канона в поздний период Российской империи, ввиду своего высокого общественного статуса. Так называемая Комиссия по устройству народных чтений, созданная при Министерстве народного просвещения, была призвана издавать наиболее подходящую литературу для народа. Деятельность Комиссии не отличалась высокой производительностью, а ее издания покупались не так хорошо, как лубочная литература, с которой Комиссия пыталась конкурировать. Однако Комиссия примечательна тем, что подготавливала специальные тексты для публичных чтений, которые по многу раз читались в народных аудиториях, отлаживала некоммерческие каналы распространения литературы, создавала новую форму досуга для народа, и одновременно с этим являлась выразителем государственной идеологии в области народного внешкольного образования.

Объектом исследования в данной работе является непосредственно историческая практика устройства народных чтений Комиссией, а также

¹ См. Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008; Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009; Соколов М.М., Соколова Н.А., Сафонова М.А. Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3 (86). С. 116—218; Braslavski P., Petras V., Likhoshevstov V., Gade M.. Large-Scale Log Analysis of Digital Reading. ASIST'2016.

содержание этих чтений и их просветительская концепция. Исследование формируется вокруг проблемы репрезентации классики для народного читателя. Как правило, классический литературный текст в изданиях Комиссии приобретал специфическую адаптированную форму. Известные в образованном обществе сюжеты пересказывались, издавались фрагментами, адаптировались под реалии жизни русского крестьянина. Важным атрибутом чтений были световые картины, которые воспроизводились на экране и дополняли произносимый текст. Световые картины, как и книжные иллюстрации для чтений, были направлены на то, чтобы приблизить культуру просвещенного общества к народу. Наконец, практика чтений, как правило, была вписана в специфическое пространство аудиторий для народных чтений. Аудитории, как и сами чтения, были призваны воспитывать народ, развить его вкус, телесные привычки к гигиене и порядку, а также продвигать трезвый образ жизни.

Научная новизна исследования определяется тем, что народные чтения Комиссии рассматриваются как комплексная практика: изучается содержание чтений, их визуальное сопровождение и специфика аудиторий, в которых они проводились. История чтений таким образом показана на примере конкретной институции и рассмотрена как сложная практика, что еще не становилось предметом специального анализа.

Целью данного исследования является изучение фигуры народного читателя, который конструировался государством посредством народных чтений, и углубить знание о раннем этапе формирования популярной культуры в дореволюционный период.

Основные **вопросы** исследования концентрируются вокруг истории публичных чтений для народа и практиках, влиявших на формирования народного читателя. Прежде всего, в диссертации ставится вопрос о том, как возникает потребность в организации таких чтений, что способствует выделению специального государственного института, ответственного за то, чтобы претворить эту практику в жизнь. Затем ставятся вопросы о природе

возникшего института, Комиссии по устройству народных чтений: как и кем она была сформирована, чем она занималась и что издавала, как себя позиционировала и чем создаваемая Комиссией литература отличалась от близких ей литератур: школьной и лубочной. Большое внимание в диссертации уделяется вопросу о том, как литература, успевшая ко второй половине XIX века войти в фонд «классики», репрезентируется в изданиях Комиссии. Другими словами, как литературная классика меняется под воздействием бюрократического и идеологического аппарата Комиссии, и какого читателя-слушателя таким образом выстраивает? Отдельное внимание уделяется историческому контексту публичных чтений: как было устроено пространство, в котором проводились чтения, и как оно влияло на восприятие слушателей? Каким визуальными материалами сопровождалось чтение, и как они влияли на аудиторию? До какой степени световые проекции должны были влиять на формирование народного читателя-слушателя? Наконец, можно ли считать просветительский проект Комиссии успешным?

Методология исследования характеризуется двумя основными подходами: социолого-литературным и историко-институциональным. Центральное понятие «классика» рассматривается в данной диссертации, вслед за Б. Дубиним, как социальный феномен отбора наиболее авторитетных текстов привилегированной группой людей². Комиссия по устройству народных чтений представляла именно такую группу людей, которые сформировали состав авторитетной государственной институции и предложили народу наиболее ценные для национальной культуры тексты. Однако однозначно определить статус таких текстов сложно. С одной стороны, они, казалось бы, должны принадлежать условно «высокой» литературе, но с другой — не являются ею в прямом смысле, поскольку представляют собой лишь литературную адаптацию, актуальность которой недолговечна и строго утилитарна.

² Дубин Б. Классика после и вместо: о границах и формах культурного авторитета // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании, М., 2009. С. 439.

Для того, чтобы изучить феномен чтений для народа и конструируемого народного читателя мы отошли от традиционного рассмотрения взаимного проникновения «высокой» и «низкой» культур³, вместо этого обратились к социальной природе чтений, поскольку эта литература обращалась к принципиально новому адресату, к той огромной массе людей, которая, в сущности почти не умеет читать. Британский историк Мартин Лайонс обратил внимание на существование особых промежуточных форм грамотности, которые и обусловили ее распространение⁴. В частности, Лайонс вводит понятие «delegated writing», описывая способ коммуникации между безграмотными или полуграмотными людьми в конце XIX — начале XX века, когда передача личных сообщений между людьми включала в себя участие третьих лиц, которые обучены грамоте и могут закодировать и декодировать отправляемое сообщение. Аналогичным образом народное чтение представляло собой то, что можно было бы определить как «делегированное чтение» (delegated reading). Специальные книги для народа писались с ориентацией на публичное произнесение для неграмотных людей, таким образом, непосредственно чтение осуществлял только один человек, при этом в аудитории слушателей могли оказаться разные социальные группы: от детей до педагогов, от рабочих до полицейских.

Учитывая сложную природу адресации народных чтений, нам было важно разобраться с тем, как эта практика была устроена технически, поэтому в диссертации рассматриваются три практических аспекта публичных чтений для народа: тексты, которые издавались для чтений, пространство, в котором чтения проводились и визуальное сопровождение чтений. Вслед за методологическими изысканиями Р. Шартье, основные исследовательские наблюдения в данной работе сосредоточены вокруг особенностей культурной

³ См., например: Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000. С. 31-56.; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

⁴ Lyons M., The Power of the Scribe: Delegated Writing in Modern Europe // European History Quarterly, 2014. Vol. 44(2), P. 244-262. См. также Lyons M. Readers and society in nineteenth-century France: Workers, women, peasants. New York: Palgrave, 2001. 220 p.

апроприации⁵, то есть вокруг тех сдвигов и трансформаций ценностных отношений, которые возникали в различных социальных средах и получали свое отражение в практике народных чтений. Формировавшиеся в среде государственных чиновников, чтения рассмотрены как один из инструментов апроприации целого ряда ценностных понятий, включая национальный литературный канон. С одной стороны, чтения для народа были призваны объяснить народу ценности просвещенного общества, но с другой стороны, они позволяли самому сообществу просветителей определить свой статус доминирующей социальной культуры и выстроить вертикальную коммуникацию с народным читателем.

Изучая адаптации классических текстов для народа, мы прибегали к рецептивному анализу, преимущественно пользуясь подходом Г. Юсса, направленным на изучение того, какой горизонт ожиданий актуализируется в тексте по отношению к своему адресату⁶. Для общего понимания того, как посетитель чтений для народа откликался на адресованный ему текст, мы также задействовали реальный рецептивный материал.

В рамках работы с историческими источниками, мы ориентировались на подходы Д. Брукса⁷, А. Рейтблата⁸, Р. Дарнтон⁹, К. Келли¹⁰ и других теоретиков чтения, представленных в недавно вышедшем трехтомнике “Reading Russia”¹¹, где важное место занимают проблемы институциональности литературы, вопросы канона и читательских практик. Важной методологической опорой для исследования послужило создание

⁵ Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 191-210.

⁶ Юсс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 97-106.

⁷ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Illinois, 2003.

⁸ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

⁹ Дарнтон Р. Великое кошацье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М: Новое литературное обозрение, 2002.

¹⁰ Kelly C., *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*, Oxford: Oxford UP, 2001.

¹¹ *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia* / Ed. by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Milano: Università degli Studi di Milano, 2020. V. 1-3.

электронной базы изданий Комиссии по устройству народных чтений, которая позволяла смотреть на издательскую динамику, на жанровое разнообразие чтений, состав авторов и многие другие особенности издательской политики.

На защиту выносятся следующие положения:

— Комиссия по устройству народных чтений возникла как инструмент внутренней политики для борьбы с пьянством и развития альтернативного досуга в больших городах, но со временем она стала брать на себя и внешне-политические задачи по формированию образа просвещенного государства.

— Комиссия была государственным институтом и позиционировала себя как авторитетную, надежную организацию, предлагавшую лучшую литературу для народа, пытаясь конкурировать с популярной, но некачественной по разным параметрам лубочной литературой. Однако характер ведения конкурентной борьбы за читателя показывает, что Комиссия становилась не столько распространительницей «правильной» литературы, сколько инструментом борьбы с нелегальными чтениями и нелегальной литературой. Именно поэтому Комиссия представляла собой не только издательство, но и организацию, которая вырабатывала специальный юридический регламент проведения публичных чтений и выдавала разрешения на их проведение.

— Пантеон классической литературы, тот канон, который формировался в изданиях Комиссии, показывает, что государственная идеологическая установка в отношении народного просвещения заключалась в попытке соединить условно «высокую» литературу образованного общества и литературу, тематически близкую крестьянам, фабричным рабочим и в целом городской бедноте. В результате долгой редакторской и часто коллективной критической работы издательство выпускало адаптации национальной и мировой классики, в которых актуализировались понятные для народа реалии, что должно было помочь народу «присвоить» предлагаемую государством литературу.

— Комиссия принимала участие в разработке специальной аудитории для народных чтений. Пространственная организация такой аудитории была призвана оказывать влияние на поведение посетителей чтений, которые не были приучены к подобным общественным собраниям. Пространство аудитории должно было превратить неопрятную шумную толпу в стройные ряды чистых и внимающих слушателей.

— Визуальное сопровождение народных чтений с помощью световых проекций демонстрирует сложную структуру адресации публичных чтений. Те контексты, которые актуализировали световые иллюстрации к народным чтениям не могли быть дешифрованы их главным адресатом, собственно народом, зато могли быть знакомы педагогам и всем тем просветителям, которые ратовали за распространение публичных чтений для народа. Двойная адресация чтений для народа должна была способствовать конструированию не только идентичности народа, но и идентичности самих просветителей.

— Успех просветительского проекта Комиссии был неоднозначным. С одной стороны, Комиссия не произвела по-настоящему популярной литературы, которая могла бы вытеснить лубочные издания, даже учитывая те некоммерческие стратегии распространения, которыми Комиссия пользовалась. С другой стороны, Комиссия создала регламент контроля за массовым распространением информации, наладила инфраструктуру публичных чтений, и путем многочисленных экспериментов с литературными адаптациями сформировала свой собственный дискурс для народных чтений, и внесла свой вклад в конструирование национальной идентичности на излете девятнадцатого века.

Теоретическая значимость

Данная диссертация предлагает открыть дискуссию о чтениях для народа как о специфической форме литературы, которая сыграла значительную роль в распространении грамотности и конструировании национальной идентичности в дореволюционный период. Данное

исследование представляет издания для публичных чтений как феномен истории чтения и углубляет понимание роли классики в период становления популярной народной культуры в Российской Империи.

Практическая значимость исследовательской работы является текст диссертации, статьи и прочие публикации, посвященные трем аспектам публичных чтений для народа: содержание чтений, световые картины и другие визуальные материалы, сопровождавшие чтения, а также особенности устройства специальных аудиторий для чтений. По итогам исследования также подготовлена и опубликована база метаданных по изданиям Комиссии, включающая 505 изданий¹², что может стать плацдармом для более широкой базы русских публичных чтений с волшебным фонарем. В России такой базы пока не существует, однако создание такой базы позволило бы пополнить международный фонд материалов по докинематографическому искусству¹³.

Структура диссертационного исследования состоит из введения, пяти глав и заключения:

Первая глава посвящена истории изучения народного чтения. В этой главе сделана попытка проследить линию развития исследовательского интереса к народному читателю, начиная с практического антропологического подхода в середине XIX века до современных теоретических работ. Вторая глава направлена на описание истории формирования Комиссии по устройству народных чтений. Здесь рассмотрен состав Комиссии, история смены ее председателей, а также круг писателей, которые приглашались для разработки

¹² В настоящее время каталог изданий Комиссии по устройству народных чтений выложен в открытом доступе на сайте github.com: <https://github.com/yanagafonoff/komissiya-narodnih-chteniy-katalog>

¹³ Сообщества изучения докинематографического искусства на данный момент представляют собой обширную сеть организаций во многих западных странах, например, см. The Magic Lantern Society of UK, The Magic Lantern Society of the US and Canada, B-Magic (Belgium), A Million Pictures (Netherlands), а также веб-платформу lucerna.exeter.ac.uk, где собираются материалы преимущественно о британских и американских публичных чтениях.

литературных адаптаций. Особое внимание в этой главе уделено условиям организации народных чтений, которые были продиктованы строгой государственной регламентацией. Необходимость описания специфики такой читательской практики, которую предлагала Комиссия заставляет нас также обратиться к сопоставлению чтений для народа с близкими практиками школьного чтения и лубочного чтения во второй половине XIX века.

В третьей главе предметом анализа становится содержание художественных изданий, которые Комиссия предлагала для публичных народных чтений. Здесь подробно изучены нарративные стратегии адаптации классического текста для народного читателя. Такой подход позволил выявить искусственное сближение горизонтов ожидания народного читателя и классического текста, для него не предназначенного. В четвертой главе народные чтения рассматриваются в контексте пространственной организации специальных аудиторий в которых они устраивались. Эта более широкая перспектива на практику народных чтений позволила увидеть, что усвоение классической литературы соседствовало с такими практиками, как чаепитие и гимнастические упражнения. Проект устройства народных аудиторий был сосредоточен на очень широком круге бедного населения, которое, несмотря на все просветительские усилия, оказалось замкнуто на себе самом.

Пятая глава посвящена визуальным стратегиям адаптации классики для народа. Здесь рассмотрено визуальное сопровождение народных чтений, а именно обложки, иллюстрации и слайды для волшебного фонаря. Выявлены фирмы, с которыми сотрудничала Комиссия по устройству народных чтений, а также некоторые стратегии иллюстрирования классических произведений. С одной стороны, практика иллюстрирования могла включать сопровождение классических произведений сценами из крестьянского быта, с другой стороны, некоторые иллюстрации могли тянуть за собой контексты, которые не могли быть считаны полуграмотным народом. Народные чтения, таким образом, демонстрируют двойную адресацию, они одновременно обращены к народу и просветителям, педагогам, которые организуют чтения, способствуя

конструированию идентичности и тех, и других.

В заключении делаются выводы о об особенностях просветительского проекта Комиссии по устройству народных чтений, а именно о ее попытке сконструировать народного читателя как объект не только внутренней, но и внешней политики, а также о том, как дискурс народных чтений повлиял на социальную маргинализацию крестьян, что в свою очередь критически сказалось на дореволюционной образовательной политике в целом.

Основное содержание работы

История формирования Комиссии по устройству народных чтений показывает, что издательская программа в значительной степени зависела от ее председателя, так, например, наибольшее число адаптаций классических произведений издавалось при В. Соловьеве, в ранний период правления Николая II, а число книг о путешествиях для народа росло на протяжении всей истории деятельности Комиссии вне зависимости от начальства. Общая установка на разработку специальной книги для народа, которая бы рассказывала о ценностях просвещенного общества полуграмотным людям и представляла бы для них приемлемые, с точки зрения государства, модели поведения, сохраняется на протяжении всего просветительского проекта Комиссии. Регламентация чтений для народа при этом обростала массой формальностей и правил, которые были призваны контролировать эти мероприятия, чтобы не допустить брожение неугодных идей, что тормозило процесс распространения чтений.

Чтения для народа не были частью развивающейся образовательной системы, а представляли гибридную форму внешкольного образования и городского (иногда сельского) развлечения. Школьное образование не было обязательным и могло быть рассчитано лишь на немногих крестьян, которые готовы были инвестировать в это свое время. Значительное число взрослых городских сезонных рабочих не могли позволить себе пойти в школу. Именно

на эту аудиторию как правило ориентировалась Комиссия. Кроме того, особое положение чтений вне школьной системы освобождало авторов от необходимости передавать формальные знания, в отличие, например, от авторов учебных пособий. Таким образом, создание чтений становилось творческим процессом, часто требовавшим коллективных обсуждений, что не упрощало и без того сложную процедуру¹⁴.

Будучи вне системы народного образования, целиком зависевшего от государства, публичные чтения для народа могли организовываться и издаваться частными лицами, таким образом издания Комиссии оказывались в одном конкурентном поле не только с другими коммерческими изданиями для народа, но и с лубочной книгой, авторами которой выступали сами представители из народной среды. Такая конкуренция была сознательной борьбой просветителей с другими, по их убеждению, некачественными и не полезными по содержанию книгами, популярными в народе¹⁵, которая осуществлялась с помощью дополнительных некоммерческих каналов распространения печатной продукции и собственно новой формы народного досуга — публичных чтений. Сложно сказать, насколько продуктивными оказались методы Комиссии, лубочная литература так или иначе не переставала пользоваться популярностью вплоть до революции, однако же Комиссия создала новую устойчивую практику публичных чтений и сформировала официальный дискурс, адресованный народному читателю.

Популяризация литературы, вошедшей в канон образованного общества была одной из основных издательских стратегий Комиссии по устройству народных чтений. Проблему репрезентации классического текста в изданиях Комиссии мы подробно рассмотрели в третьей главе. Исходя из собранных в каталог изданий Комиссии¹⁶, наиболее часто переиздаваемыми авторами

¹⁴ Хрущов И.П. Об издательской деятельности Постоянной Комиссии народных чтений и учрежденного при ней Общества за пятнадцать лет (1881-1896) Спб., 1901.

¹⁵ Некрасова Е.С. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка: Вят. т-во, 1902.

¹⁶ Каталог изданий Комиссии по устройству народных чтений выложен в открытом доступе на сайте github.com: <https://github.com/yanagafonoff/komissiya-narodnih-chteniy-katalog>

оказались У. Шекспир, А. Пушкин и А. Кольцов, которые вероятно и создавали важное для Комиссии единство канонов мировой литературы, национальной и якобы крестьянской. Репутацию певца крестьянской жизни для А. Кольцова создал В. Белинский, именно статью Белинского о Кольцове адаптировала Комиссия для народа. Показательно то, что А. Кольцов выпал из официального литературного канона, как только идеологическая ориентация на крестьянство перестала быть актуальной. Адаптация для народных чтений происходила не просто посредством сокращения оригинального текста, но и с помощью фокализации календарного и иного бытового и поведенческого контекста, понятного крестьянам. С другой стороны, из классического нарратива в значительной степени исключался контекст, связанный с социо-культурным кодом образованного и обеспеченного сословия, поскольку становился препятствием для понимания крестьян и городских рабочих.

Воспитательные амбиции Комиссии выходили за рамки обращения к классическим текстам. Поскольку, чтения для народа, это комплексная практика, включавшая разные каналы восприятия, мы обратились к проблеме пространственной организации чтений в четвертой главе. Мы увидели, что Комиссия мыслила свой просветительский проект как инструмент формирования народного читателя, с помощью которого можно воздействовать на физические привычки народа. Воспитательная литература, посвященная правилам общежития крестьян, гигиеническим процедурам, а также трезвому образу жизни должна была, по замыслу просветителей, отражаться в самом здании народных чтений. Павильон для народных чтений должен был быть многофункциональным пространством, которое само по себе превращало бы народ в армию чистых, гармонично организованных и трезвых людей.

В последней главе мы подробно остановились на визуальном аспекте народных чтений, а также на том, как визуальное сопровождение чтений может пояснить фигуру народного читателя. Мы рассмотрели, как консервативная пресса, поддерживавшая просветительский проект Комиссии, изображала

народного читателя в духе политической пропаганды, выделяя, с одной стороны, его национальную ценность, лояльность, энтузиазм к чтению, с другой стороны, сопоставляя его с народными читателями других просвещенных национальных государств и доказывая, что русский народ не менее просвещен, чем народы политических конкурентов. Материалы о цензурных замечаниях в связи с использованием передовых технологий, световых проекций и волшебных фонарей, показали, что религиозно-идеологические расхождения с произведениями, вошедшими в мировой литературно-художественный канон, как, например, «Божественная комедия», провоцировали новые формы адаптаций и сокращений, но не отменяли такие тексты. Просветители, таким образом, мыслили народного читателя включенным в общеевропейский культурный контекст и конструировали его соответствующим образом.

Изучив световые картины, предназначенные для иллюстрирования народных чтений, мы увидели, как в этих чтениях реализуется двойная адресация: с одной стороны, публичные чтения были обращены непосредственно к народу, с другой — к педагогам-просветителям, что сближает модель народных чтений с детской литературой. Такая двойственная адресация позволяла видеть в народном читателе не только ребенка, вбирающего плоды знаний просвещенного общества, но также объект внутренней и внешней политики. Искусственная сконструированность текстового и визуального нарратива, адресованного народному читателю, первостепенные задачи которого были скорее политическими, внехудожественными, а также высокий уровень социальной изолированности читателей из народа в народных домах, библиотеках, аудиториях — все это обнаруживало дистанцированность крестьян от чужой для них так называемой просвещенной культуры в дореволюционный период и порождало соответствующую реакцию непонимания, отмеченную многими

современниками¹⁷.

Просветительский проект Комиссии по устройству народных чтений был чрезвычайно важен для популяризации национального литературного канона, установившегося в просвещенных социальных кругах. Этот канон в рамках проекта Комиссии превратился в пластичный инструмент национального объединения и адаптировался под интересы и кругозор иного сословия, которому не был адресован. Комиссия сформировала первую модель культурного-развлекательного взаимодействия государства с многочисленной народной аудиторией и, несмотря на забюрократизированность процедуры устройства народных чтений, положила начало устойчивой практике проведения доступного полезно-развлекательного досуга в народе.

Апробация результатов

Результаты работы над диссертацией были представлены в четырех академических статьях, также была опубликована статья в специализированном журнале, который издается британским обществом волшебного фонаря. Председатели этого общества отметили исследовательский проект наградой Мервина Херда (Mervyn Heard Award). В процессе работы над диссертацией была также написана глава о публичных чтениях для академического сборника, посвященного истории институтов литературы. Промежуточные результаты диссертации обсуждались на семи конференциях. В процессе работы была пройдена стажировка в Хельсинки, в рамках которой была возможность работать с местными архивами и библиотеками.

Статьи:

1. Агафонова Я. Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной

¹⁷ См. например: Ан-ский С.А. Народ о книге // Ан-ский С.А. Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя. М., 1913 ; Алчевская Х.Д. Что читать народу?: в 3 т. СПб., 1884–1906 ; Маракуев В.Н. Что читал и читает русский народ. Москва, 1886.

комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 77-93.

2. Agafonova Y. The Common Reader in Public Readings With Magic Lantern Slides in Late Imperial Russia // Russian Literature. 2022. №129. P. 73-93.

(Агафонова Я. Народный читатель на публичных чтениях с волшебным фонарем в поздний период Российской империи // Русская литература. 2022. №129. P. 73-93.)

3. Агафонова Я. Я. Литература для народа и центральная аудитория для народных чтений как государственный просветительский проект во второй половине XIX века // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 78-92.

Другие публикации:

4. Агафонова Я. Я. Борьба за классику: книга для народа и лубочные книжные издания // В кн.: Русская филология. 28: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту : Издательство Тартуского университета, 2017. С. 52-61.

5. Agafonova Y. The Magic Lantern in Late Imperial Russia // The Magic Lantern (UK). 2020. No. 23. P. 17-19.

(Агафонова Я. Волшебный фонарь в поздний период Российской империи // Волшебный фонарь (Великобритания). 2020. No. 23. P. 17-19.)

6. Агафонова Я.Я. Чтения для народа как государственный просветительский проект в поздний период Российской империи // Институты литературы в имперской России. М.: НИУ ВШЭ. 2022. С. 1-44. (в печати)

Конференции:

1. Agafonova Y. The Concept of Enlightenment in Special Books for Peasants in Prerevolutionary Russian Society: Textual and Visual Aspects // The Enlightenment from a Non-Western Perspective. Bulgaria, Sofia: 23.05.2016 - 25.05.2016
(Агафонова Я. Концепция просвещения в книгах для народа в дореволюционном российском обществе: Textual and Visual Aspects // Просвещение с незападной точки зрения. Болгария, София: 23.05.2016 - 25.05.2016.)
2. Агафонова Я. Цифровая база популярной литературы 19 века: проблемы каталогизации на примере книг для народного чтения // II Московско-Тартуская школа центра цифровых гуманитарных исследований. Российская Федерация, Москва: 9.10.2017 - 12.10.2017
3. Agafonova Y. The Rise of Mass Reading and High Literature Transformation in Pre-revolutionary Russian Society // Tradition and Transformation. UK, London: 18.09.2017 - 20.09.2017
(Агафонова Я. Расцвет массового чтения и трансформация высокой литературы в дореволюционном российском обществе // Традиция и трансформация. Великобритания, Лондон: 18.09.2017 - 20.09.2017.)
4. Агафонова Я. К проблеме просветительской стратегии Комиссии по устройству народных чтений // Международная конференция молодых филологов. Эстония, Тарту: 27.04.2018 - 29.04.2018
5. Agafonova Y. Public Readings with Magic Lantern in Late Imperial Russia // Technology culture and society in the eurasian space. Finland, Helsinki: 23.10.2019 - 25.10.2019
(Агафонова Я. Публичные чтения с волшебным фонарем в поздний период Российской империи // Технология культура и общество в евразийском пространстве. Финляндия, Хельсинки: 23.10.2019 - 25.10.2019)
6. Агафонова Я. Комиссия по устройству народных чтений: аудитория и

проект народного просвещения // Институты литературы и государственная власть в России XIX века. Российская Федерация, Санкт-Петербург: 15.10.2020 - 16.10.2020

7. Agafonova Y. Strategies of illustrating public readings for common people in late imperial Russia // Sound and Vision: exploring the role of audio and visual technologies in the history of education. Bengoo & B-Magic Online Conference. Belgium, Antwerp: 22.04.2021- 23.04.2021

(Агафонова Я. Стратегии иллюстрирования публичных чтений для народа в поздний период Российской империи // Звук и зрение: исследуя роль аудио- и визуальных технологий в истории образования. Онлайн-конференция Bengoo & B-Magic. Бельгия, Антверпен: 22.04.2021 - 23.04.2021.)

Гранты и награды:

Young Russian Scholars Helsinki Fellowship (YRUSH) 2019

(Хельсинкская стипендия для молодых российских ученых (YRUSH) 2019)

Mervyn Heard Award 2019 from The Magic Lantern Society (UK) for a research project about the magic lantern in late imperial Russia.

(Премия Мервина Херда 2019 года от Общества волшебного фонаря (Великобритания) за исследовательский проект о волшебном фонаре в поздний период Российской империи.)